

А. В. Лакирев

Свойства Церкви: единство, святость, соборность и апостоличность

1. Введение.

Церковь была основана Господом Иисусом Христом на Тайной вечере и создана в день Сошествия Святого Духа на апостолов. Несмотря на существование пророчеств о соединении людей в Царстве Христа, несмотря на весь опыт существования Ветхозаветной Церкви, созданная Христом Церковь была совершенно уникальным явлением, свойства ее подлежали дальнейшему богословскому уяснению и формулированию.

Начало этому положил Сам Господь, давая Свое обетование о создании Церкви: «ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ее»¹. Господь произнес эти слова в ответ на исповедание Петра в Кесарии Филипповой. Греческий текст этого стиха гласит «ἐλί ταύτη τῆ λέτρα οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν»². Укажем на два важных аспекта греческого текста. Во-первых, глагол οἰκοδομέω, переведенный как «созижду» («создам» в Синодальном переводе) буквально означает «строить дом». В Новом Завете он также употребляется иногда в значении «назидать». Ясно, что речь идет о том созидании, которое в посланиях ап. Павла названо «домостроительством»³. И это домостроительство полагается «ἐλί ταύτη τῆ λέτρα» — именно «здесь», «на этом камне» как на основании. Таким образом, именно это исповедание Иисуса из Назарета Христом, Сыном Бога Живого стало камнем, на котором, как на основании, строится Дом Божий — Церковь Нового Завета.

В дальнейшем, когда чудо в день Пятидесятницы исполняет учеников «силою свыше», замысел Божий реализуется сначала в Иерусалиме, а затем и во множестве общин, рассеянных по всему миру. Опыт бытия этих общин, опыт самосознания новозаветной Церкви, эксплицитно выражается в ряде новозаветных книг, из которых, быть может, подробнее всего — в посланиях ап. Павла к Ефессянам, к Коринфянам и к Колоссянам.

В Послании к Ефессянам ап. Павел говорит о Церкви, что она «есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем»⁴. Следовательно, Дом, который созидает Господь, явлен не просто как общество сонаследников Христа, но как тайна благодати Божией. То, что Церковь — полнота Наполняющего все во всем, напоминает слова о Христе в послании к Колоссянам: «в Нем обитала всякая полнота»⁵. Таким образом, ключевым для новозаветной экклезиологии оказывается понятие Воплощения. Быть может, наиболее ярко это выражено в начале 2 в. свт. Игнатием Богоносцем: «все вы составляйте из себя как бы один храм Божий, как бы один жертвенник, как бы одного Иисуса Христа»⁶. Продолжая эту мысль в 20 в., митр. Антоний Сурожский пишет: «Прежде всего, по слову апостола Павла, Церковь есть тело Христово. ...Определение это связано не с понятием сочетания отдельных частей, которые впоследствии могут распасться, а с понятием Воплощения. Мы — тело Христово в самом реальном смысле, в смысле известного изречения: Церковь есть продолжение Воплощения. Каждый из нас — присутствие Христа в мире»⁷.

Описывая далее это невиданное явление, эту новую форму присутствия и действия Божия в мире, ап. Павел также говорит об основных аспектах Церкви,

которые затем будут сформулированы в Символе веры. В частности, он подробно говорит о единстве Тела Христова, члены Которого соединены Духом Святым: «...стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один Дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания...»⁸. Далее в той же 4 главе он указывает на ряд особенностей современной ему структуры Церкви, говоря о том, что Бог поставил в Ней разных лиц для несения различных служений, совершаемых, однако, в единстве Духа. Этот дар разнообразия служений, являющийся проявлением свойственного Церкви единства в многообразии, также является одним из важнейших выражений Божественного происхождения Церкви.

В Первом послании к Коринфянам апостол Павел подробно говорит о внутреннем устройстве церковной жизни. Для него это устройство вытекает из самой природы Церкви, из ее Богочеловеческих свойств. Большое внимание апостол уделяет внутреннему многообразию в Церкви, которое, однако, не только не препятствует единству, но, напротив, является его необходимым основанием. Об этом говорят великие слова о том, что «надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные»⁹, сделавшие возможным существование и развитие догматического учения и богословия. Об этом же говорят слова о различии даров единого Духа и разнообразии церковных служений. Особое значение имеет то, что апостол утверждает в 1 Кор. 12:14-13:13, что объединяющим Церковь в Тело Христово фактором является не различие иерархических и неиерархических служений, необходимых для нормального функционирования церковного организма, но любовь, не зависящая ни от каких ситуативных деталей. Структура Церковного организма претерпела заметные изменения, дары Духа, как и предполагал апостол, могут прекратиться¹⁰, однако все это не меняет природы Церкви, потому что никогда не перестает любовь, которая есть проявление Духа Божия в членах Церкви.

Именно об этой непрекращающейся любви говорит свт. Ириней Лионский как о вечном и неизменном свидетельстве Церкви: «...проповедь Церкви повсюду постоянна и пребывает неизменно и имеет свидетельство от пророков и апостолов и всех учеников в начальные времена, и в средние и в последние и во всем устройстве Божиим и Его твердом действовании относительно спасения человека, которое содержится в нашей вере; ее-то приняв от Церкви мы соблюдаем»¹¹. Действование любви Духа Святого в Церкви, по мысли свт. Ириней, и определяет самую природу Церкви Нового Завета: «Ибо где Церковь, там и Дух Божий; и где Дух Божий, там Церковь и всякая благодать, а Дух есть истина»¹².

Для уяснения свойств Церкви немаловажно также то, что апостол Павел говорит о порядке на богослужбных собраниях Церкви: при невозможности единообразного норматива богослужения, «все должно быть благопристойно и чинно»¹³. Несколько выше апостол также говорит: «так бывает во всех церквах у святых»¹⁴. Эти слова, с одной стороны, говорят о проявлении святости Церкви как Тела Христова в святости отдельных ее членов. Не менее важно, с другой стороны, что этими словами закладывается основа для единства духовного опыта разных Церквей, для обогащения духовной жизни каждой локальной Церкви опытом всей Церкви и для проверки первой последним. Наконец, эти мысли апостола до некоторой степени обосновывают существование в Православной Церкви единого, хотя и вариативного, богослужбного Устава. Несмотря на очевидный эволюционный характер Устава, его постоянное и повсеместное развитие, он все же обеспечивает возможность жить в богослужении так, как «бывает во всех церквах у святых».

Именно это взаимопроникновение духовного опыта и самосознания отдельных церквей привело к формулированию в середине 1 тысячелетия того учения о Церкви, которое мы находим в Никео-Константинопольском символе веры.

2. Церковь как субъект и объект веры.

Упоминание Церкви в Символе веры носит не случайный характер. Будучи сообществом верных, соединенных тайной благодати Божией, Церковь, несомненно, является и субъектом, и объектом веры. Причина этого коренится в богочеловеческой природе Церкви. Не видимые проявления церковного бытия составляют ее существо, но, как писал о. Сергей Булгаков, «существо Церкви есть божественная жизнь, открывающаяся в тварной; совершающееся обожение твари силою боговоплощения и Пятидесятницы»¹⁵.

Богочеловеческая природа Церкви — фундаментальная основа для ее самосознания. В отрыве от этой основы экклезиология становится лишь запутанной историей человеческих взаимоотношений. Поэтому, как пишет еп. Каллист Диоклийский, «всякое православное размышление о Церкви начинается с указания на особые отношения, существующие между Церковью и Богом. Три высказывания могут описать эти отношения: Церковь есть (1) Образ Святой Троицы, (2) Тело Христово, (3) продолжающаяся Пятидесятница. Православное учение о Церкви тринитарно, христологично и пневматологично»¹⁶.

В первую очередь, Церковь являет свою богочеловеческую природу в том, что она объединяет своих членов не так, как любые человеческие организации. Не общее подчинение единым правилам, не общее устремление к единым целям, но общий источник жизни — вот основание церковного единства. Поэтому «Церковь в целом есть икона Бога-Троицы, воспроизводящая на земле тайну (таинство) единства в различии»¹⁷. Основание этому факту о. Сергей Булгаков видел в Воплощении Сына Божьего: «Так как Господь не просто приблизился к человеку, но и отождествился с ним, Сам став человеком, то Церковь есть Тело Христово, как единство жизни с Ним, Ему послушной и Ему подвластной»¹⁸.

Как богочеловеческий организм, как форма присутствия Бога среди людей Церковь является объектом веры. Ее основные свойства, перечисленные в Символе, не являются эмпирическим выводом из человеческого наблюдения, но познаются только внутренним опытом веры, потому что принадлежат, по словам о. Сергея Булгакова, не временному, но вечному миру: «По учению Отцов Церкви, вечная жизнь... начинается уже здесь, в этой временной жизни, и эта вечность во времени и есть касание божественной жизни в Церкви... В этом смысле Церковь в самом существовании своем есть предмет веры, познается верою...»¹⁹.

Одновременно Церковь является субъектом веры, тем организмом, жизнь которого поддерживается опытом встречи с Богом. Для многих современных православных богословов именно евхаристический характер Церкви является ее наиболее точным определением. Так, Х. Яннарас пишет: «Церковь есть трапеза, акт вкушения пищи и питья. Еда и питье составляют основу человеческого существования, тот способ, каким человек приобщается к жизни. ... Для Церкви вкушение пищи — не способ продлить земное существование, но возможность реализовать жизнь как приношение Богу и общение с Ним»²⁰.

Говоря о Евхаристии, свт. Игнатий Богоносец пишет: «только та евхаристия должна почитаться истинною, которая совершается епископом... Где будет епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и католическая Церковь»²¹. Таким образом, святитель соединяет Евхаристию и Церковь через служение епископа. Перефразируя, быть может, эти слова, прот. Н. Афанасьев говорит: «Где Евхаристическое собрание, там Церковь, и где Церковь, там и Евхаристическое собрание»²².

Полнота общения со Христом в Евхаристии является, таким образом, тем главным делом веры, которое наполняет смыслом все бытие Церкви. В Евхаристии Церковь в полной мере является тем живым организмом, который верит Христу. Но, более того, опыт веры и жизни Церкви в Евхаристии —

основа ее свидетельства и ее учения. «Наше учение согласно с евхаристией, и евхаристия в свою очередь подтверждает учение наше»²³, пишет свт. Ириней Лионский. Поэтому Церковь с самого начала, с проповеди апостолов, является не только объектом и субъектом веры, но и вероучительным авторитетом.

Вероучительный авторитет Церкви не связан с существованием какого-то непогрешимого властного начала, но коренится в реальности Богообщения: «Согласно традиции единой христианской Церкви и ее исторического продолжения в Православии, истина веры не может быть отождествлена с «непогрешимыми» институтами и структурами власти, не потеряв при этом самой своей сущности... Традиция единой Церкви и Православия воспринимает истину веры как событие Евхаристии: преобразование индивидуального выживания в жизнь, которая есть разделенный всеми дар любви и самоотдачи»²⁴.

Опыт веры Церкви позволяет формулировать главные ее свойства и уяснять их смысл: «Церковь называется единою, святою, соборною (кафолическою и вселенскою), апостольскою; потому что она едина и свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности; потому что ею святятся все человечество и вся земля, а не какой-нибудь народ или одна страна; потому что сущность ее состоит в согласии и единстве духа и жизни всех ее членов, по всей земле, признающих ее; потому, наконец, что в писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и ее любви»²⁵. Рассмотрим теперь по отдельности сформулированные в Символе веры свойства Церкви.

3. Фундаментальные свойства Церкви по Никео-Константинопольскому Символу веры.

Греческий текст Символа веры формулирует свойства Церкви так: «Εἰς μίαν ἁγίαν, καθολικὴν καὶ ἀποστολικήν Ἐκκλησίαν»²⁶.

Самое греческое слово Ἐκκλησία, собрание, может пониматься в различных аспектах. Так, свт. Филарет Московский выделяет тот факт, что соборные в Церковь люди составляют некоторую общность: «Церковь есть от Бога установленное общество людей, соединенных православной верой, Законом Божиим, священноначалием и Таинствами»²⁷.

Кроме того, как уже было указано выше, основной характерной чертой этого Собрания является его евхаристический характер: «Первохристианское собрание не просто кучка людей, временно и случайно оказавшихся вместе. Эти люди живут постольку, поскольку составляют Церковь, единое живое тело, и участвуют в его жизни как «братья» и «сестры», вышедшие из одного и того же материнского лона. Они — члены единого органического живого тела»²⁸.

Наконец, соборные люди составляют народ, как пишет свт. Кирилл Иерусалимский: «Церковью [Ἐκκλησία] же называется в подлинном значении сего слова, потому что всех собирает и совокупляет, как говорит Господь в книге Левит: и весь сонм собери пред двери скинии свидения»²⁹. Замечательно же, что слово: собери (ἐκκλησίασον) в первый раз употреблено в Писании в сем настоящем случае»³⁰. Как и избранный народ, Церковь является особым народом, народом Завета: «Принадлежать к этому народу, быть членом тела Церкви — значит совершать акт принятия Нового Завета: участвовать в преломлении хлеба и благословении чаши, то есть в Евхаристической трапезе»³¹.

а. Εἰς μίαν. Единственность и единство.

Греческое выражение Символа веры может быть переведено как «одна, единственная» (Церковь). Единственность Церкви как спасительного Богочеловеческого установления — важнейший факт веры. Символ говорит здесь о том, что не множество Церквей установил Господь, но только одну. Только в этом единственном Собрании возможно для человека обрести

спасение. Свт. Кирилл Иерусалимский, поясняя это, говорит: «именование: церковь (собрание) употребляется различно; как то и о народном множестве на Ефесском зрелище написано: и сия рек, отпусти собравшийся (ἐκκλησίαν) народ³²; и сборища еретиков Маркионитов, Манихеев и других можно в собственном и подлинном смысле назвать всякому церковию лукавующих; то по сему самому исповедание веры осторожно преподает нам ныне: во едину, святую, соборную Церковь, чтобы ты убежал скверных еретических сборищ, пребывал же всегда в святой соборной Церкви...»³³.

С этим соотносится также пожелание свт. Игнатия Богоносца: «Итак, старайтесь иметь одну Евхаристию»³⁴ — единственность Церкви выявляется в единственности ее евхаристического собрания. Древние христиане до тех пор, пока это представлялось возможным, старались соблюдать это правило.

В русском богословии, впрочем, не меньшее внимание уделяется не единственности, но единству Церкви. До некоторой степени это объясняется омонимичностью славянских слов «во едину...» и несоответствующего им по смыслу русского выражения, а также специфически русским направлением богословия, связанным с понятием «соборности».

Одним из первых эту мысль развивает А.С. Хомяков в своей статье «Церковь одна»: «Единство Церкви следует необходимо из единства Божиего, ибо Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати»³⁵.

Более того, единство Церкви, в первую очередь — внутреннее, сущностное единство ее членов во Христе, есть основа, по мысли прот. С. Булгакова, ее единственности: «Церковь едина, а потому и единственна»³⁶.

Это толкование, ставшее уже традиционным для русского богословия, выявляет важный аспект рассматриваемого свойства Церкви. Она является народом Нового Завета, помимо прочего, еще и потому, что в ней осуществляется божественное, а не земное единство рода человеческого. Это единение качественно отличается от всех иных форм объединения, предлагаемых культурой, общественными или государственными механизмами. Более того, это единство Церкви во Христе видится как проявление богоподобия: «Церковь едина, ибо создана по образу Святой Троицы и являет собой тайну сущностного единства при ипостасном различии: она состоит из множества отдельных личностей-ипостасей, скрепленных единством веры и таинств»³⁷. Осуществляется это богоподобие в Церкви потому, что «Любовь трех Лиц Св. Троицы отображена в единстве Церкви»³⁸. Таким образом, единство Церкви основано на воле Самого Христа, выраженной в Его первосвященнической молитве «Да будут все едино...»³⁹

Еще одним существенным аспектом единства-единственности Церкви является отсутствие разделения видимой и невидимой Церкви. Хомяков говорит об этом: «Только в отношении к человеку можно признавать раздел Церкви на видимую и невидимую; единство же ее есть истинное и безусловное»⁴⁰. Продолжая эту мысль, еп. Каллист Диоклийский называет Церковь иконой Троицы: «Такая Церковь — икона Троицы, Тело Христово и полнота Духа — одновременно видимая и невидимая, одновременно божественная и человеческая»⁴¹.

в. Ἁγία. Святость.

Святость является, быть может, наиболее рано сформулированным свойством Церкви. Так, уже в Новом Завете мы встречаем указания на святость народа Нового Завета. Апостол Петр пишет в своем Первом послании: «...вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел...»⁴². Апостол Павел в послании к Колоссянам пишет о Церкви: «ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и

неповинными пред Собою»⁴³. Апостолы указывают на два важных взаимодополняющих аспекта святости Церкви. Во-первых, святость понимается в библейском смысле термина, как отделенность от мира: Церковь составляют «люди, взятые в удел». Одновременно, поскольку Сам Господь в первосвященнической молитве просил Отца о своих учениках, которые «не от мира», чтобы Отец «сохранил их от зла»⁴⁴, избранность Церкви от мира, тесно связана с непорочностью, о которой говорит апостол Павел наряду со святостью. Исторически в сознании Церкви эти два аспекта — отделенность и непорочность — сливаются воедино.

Источником и причиной святости Церкви является ее богочеловеческий характер. Святость Церкви — это святость Христа, Телом Которого она является. Это святость Духа, которым Церковь живет. Именно жизнь во Святом Духе ежечасно созидает святую Церковь: «Согласно апостольской и святоотеческой традиции, а также ее историческому продолжению в Православии, Церковь являет и реализует себя в событии Пятидесятницы, возобновляющемся во время каждого Евхаристического собрания... Пятидесятница, или сошествие Святого Духа, — не единичное событие, свершившееся раз и навсегда, но непрекращающееся событие, конституирующее Церковь»⁴⁵.

Святость Церкви, таким образом, не есть ее статическое свойство, присущее ей и ее членам, как химический состав веществу и его молекулам, но исключительная, уникальная особенность дарованного Церкви способа жизни в благодати Христа: «Церковь живет даже на земле не земною, человеческою жизнью, но жизнью божественною и благодатною. Посему не только каждый из членов ее, но и вся она торжественно называет себя святою»⁴⁶.

Однако, если святость Церкви как Тела Христова не вызывает сомнений, во всяком случае, когда Церковь реализуется в Евхаристии, то святость ее отдельных членов скорее потенциальная. Игум. Иларион (Алфеев) пишет об этом: «Большинство христиан — грешники, являющиеся членами Церкви не в силу достигнутой святости, но в силу своего стремления к ней и покаяния»⁴⁷. Святость для членов Церкви — высокое призвание: «Святость Церкви обусловлена не только святостью Христа как ее главы, но и святостью, к которой призваны все ее члены»⁴⁸.

Гораздо важнее мнимого противоречия между святостью Церкви и несвятостью ее отдельных членов другое, о чем Булгаков говорит: «...личная греховность может и не отделять от Церкви и от ее святости. Здесь имеет решающее значение не достигнутая свобода от греха, но путь к этой свободе»⁴⁹. В отличие от мирских институтов, Церковь дает человеку реальный путь к святости, и это также ее свойство, причем, по мнению многих, свойство исключительное. «Мы знаем, когда падает кто из нас, он падает один; но никто один не спасается. Спасаящийся же спасается в Церкви, как член ее, и в единстве со всеми другими ее членами»⁵⁰, пишет об этом Хомяков. Таким образом, святость Церкви выражается, помимо прочего, в том освящении, которое Бог через нее дарует своему народу. По выражению Булгакова, «...грешник, живя жизнью Церкви, является святым, и даже более того, иных святых и не знает Церковь... вера в реальность этой святящей жизни в Церкви именно и позволяет Церкви именовать святыми всех своих членов»⁵¹.

с. Καθολικῆν. Кафоличность: вселенскость и соборность.

Изначальный смысл греческого καθολικῆν — вселенская, всеобщая. Вселенский характер Церкви диктуется поручением Христа Своим ученикам: «Итак, идите, научите все народы...»⁵².

Именно это свойство Церкви, отличающее ее от бесчисленных локальных институтов древности и современности, подчеркивает свт. Кирилл Иерусалимский: «Церковь называется соборною, потому что она в целой вселенной, от пределов земли до пределов ея, и потому что во всеобщности и

без всякого опущения преподает все, долженствующие входить в состав человеческого ведения, догматы о видимом и невидимом, о небесном и земном; еще потому, что подчиняет благочестию весь человеческий род,... наконец потому что, как повсеместно врачует и исцеляет всякого рода грехи, совершенные душою и телом; так в ней же приобретает все именуемое добродетелию...»⁵³. Свт. Кирилл подчеркивает в этих словах, что всеобщность Церкви носит не только географический характер, но также и вероучительный и аскетический.

Такое надмирное единство Церкви — таинство, реализуемое Божьей благодатью. Попытка рационального объяснения того, как может быть единственной и вселенской Церковью, составленная из множества разбросанных по всему лицу земли общин, такая попытка обречена на неудачу. Прот. Н. Афанасьев предлагает объяснение этому феномену на основании всеобщего характера главного, в чем проявляется событие Церкви, — Евхаристии: «В эмпирической действительности единство и полнота Церкви Божьей выражается во множественности местных церквей, из которых каждая выявляет не часть, а всю Церковь Божию. Поэтому множественность местных церквей в эмпирической действительности охраняет единство и полноту Церкви, т.е. ее кафоличность. Единство самой местной церкви выражается в ее едином Евхаристическом собрании. ... Как множественность Евхаристии во времени не разделяет единого тела Христова, т.к. Христос и вчера, и сегодня, и во веки один и тот же, так и множественность Евхаристических собраний не разрушает единства Церкви Божьей, т.к. и в пространстве, и во времени, Евхаристическое собрание остается одним и тем же»⁵⁴.

Необходимо подчеркнуть важную мысль Афанасьева, что каждая местная Церковь «выявляет не часть, а всю Церковь Божию» только и исключительно в Евхаристии, а не в какой-либо властной прерогативе. Оливье Клеман так связывает кафоличность и единство Церкви: «Евхаристия обновляет, укрепляет, углубляет «единосущность», онтологическое единство всех людей. Все они образуют одно существо «во Христе», одну жизнь во времени и пространстве. Так Евхаристия становится основанием «кафоличности» Церкви, ее существования καθ-όλων – согласно всему, согласно полноте истины, которая есть жизнь и любовь, общение святых, укорененное в общении со «святыми тайнами», то есть Телом и Кровью Христа»⁵⁵.

В русском богословии XIX-XX веков сложилось, вслед за трудами А.С. Хомякова, особое представление о кафоличности, сконцентрированное в понятии «соборности». Это представление подчеркивает скорее мистический, духовный аспект кафоличности. Речь идет о том, что Церковь проявляет свои свойства только будучи собранной вместе, в единстве своих членов. Это же направление дало начало современной «евхаристической» эkkлeзиoлoгии. Практическое выражение «соборного» характера Церкви игум. Иларион (Алфеев) сформулировал так: «Славянский термин «соборная» является не совсем адекватным воспроизведением греческого καθολικη (кафолическая), что значит «всеобщая», то есть объединяющая христиан, рассеянных по всему миру, а также всех святых и усопших... Кафоличность Церкви... понимается на Востоке в первую очередь как соборность, выражающаяся на практике в отсутствии видимого единого главы. Церковь в целом обладает, по православному учению, «непогрешимостью» в вопросах веры: хранителем истины является весь народ»⁵⁶. Очевидно, что с конца XIX века идея «соборности» стала своеобразным антиподом идеи папской непогрешимости, декларированной I Ватиканским Собором. Такое противопоставление носит скорее полемический, нежели содержательный характер, и значение идеи «соборности» далеко выходит за рамки православно-католической полемики.

Наконец, важным аспектом кафоличности Церкви является противопоставление этого свойства Церкви исторической, географической и социальной локальности, ограниченности человеческих государств. Так, еще

свт. Кирилл Иерусалимский говорил: «Цари отдельных народов имеют пределы власти, одна святая соборная Церковь имеет неограничиваемую пределами силу в целой вселенной...»⁵⁷. На практике это различие свойств Церкви и государства подвергалось многочисленным испытаниям. И по сей день наднациональный характер Церкви Христовой осознается с немалым трудом. Как пишет Х. Яннарас, «на протяжении последних двух столетий идея *religio imperii* вновь обретает историческую плоть в образе государственных национализмов, подчиняющих поместные Церкви критериям этнического сознания, а также интересам существующих политических режимов и правительств»⁵⁸. Однако, так ясно выраженный свт. Кириллом смысл кафоличности от этого, очевидно, не меняется.

d. Апостоличность.

Апостольский характер Церкви, так же, как и другие ее свойства, имеет ряд существенных аспектов. Игум. Иларион (Алфеев) перечисляет эти аспекты: «Апостольство Церкви заключается в том, что она основана апостолами, сохраняет верность их учению, имеет преемство от них и продолжает их служение на земле»⁵⁹.

Чрезвычайно важно для каждого христианина то, что мы являемся членами той самой Церкви, которая была основана Самим Господом на Тайной Вечери, актуализовалась в день Пятидесятницы и была распространена апостолами по всему миру. С этой точки зрения ключевым феноменом является т.наз. апостольское преемство, хранимое иерархией. Именно тем, что каждый из нас (при желании) может выяснить полный (или почти полный) перечень канонических поставлений от апостолов вплоть до своего правящего архиерея, дает нам возможность видеть все свойства Церкви не в Церкви вообще, а в той конкретной общине, к которой ты принадлежишь. Более того, это же самое относится и к «генеалогии» поставления того иерея, который совершал таинство крещения каждого христианина. Следовательно, апостольское преемство обосновывает участие каждого человека именно в Церкви, основанной Христом.

Не менее важна и верность Церкви учению апостолов. Именно благодаря своему апостольству Церковь обладает вероучительным авторитетом. Хранимое Церковью Предание, в буквальном смысле слова переданное нам Ею от апостолов, является основной формой передачи людям Божественного Откровения. Собственно говоря, авторитет книг Священного Писания покоится именно на хранимом Церковью 84 правиле свв. Апостолов⁶⁰, утверждающем состав священных книг. Вне апостольской Церкви этот авторитет, строго говоря, не существует.

Помимо этого, апостоличность Церкви выявляется в ее непрестаном свидетельстве миру об истине Христовой. Это свидетельство включает в себя и вселенскую миссию Церкви, и научение народа Божьего, и каритативную деятельность, и многое другое. Важно, что вне этого свидетельства Церковь просто перестает быть самой собой и превращается в духовное гетто.

Наконец, апостоличность Церкви выявляется в самой структуре Евхаристии. Как пишет Х. Яннарас, «в христианской Евхаристии, как и за еврейской пасхальной трапезой, кто-то должен благословить чашу с вином и вознести благодарственную молитву. Эта роль отводится старейшему в семье (греч. *πρεσβυτερος*) или председательствующему в собрании. Во время Тайной Вечери за пасхальной трапезой председательствовал Сам Христос, а после Пятидесятницы Его место заняли апостолы. Когда впоследствии они оказались рассеянными по свету, то основали почти во всех областях известного тогда мира Церкви «по городам», то есть местные евхаристические собрания, председательство в которых сохранялось (по крайней мере, на первых порах) за апостолами. ... основатель общины, вынужденный покинуть ее, выбирал одного из верных и через возложение рук сообщал ему особый дар — харизму

«старшинства» в местной Церкви»⁶¹. Апостольское преемство священнослужителей обеспечивает, таким образом, наше участие в той самой Тайной Вечери, которую совершает Сам Господь.

4. Заключение.

Описанные выше свойства Церкви являются фундаментальными, главными, потому что они сформулированы в Символе веры и составляют основу догматического учения Церкви о Себе Самой. Важно, что эти свойства Церкви не могут быть познаны и восприняты вне всего контекста веры, вне самой Церкви. Как писал Хомяков, «признаки же ее суть: внутренняя святость, не позволяющая никакой примеси лжи, ибо в ней живет дух истины; и внешняя неизменность, ибо неизменен Хранитель и Глава ее Христос. Все признаки Церкви познаются только ею самою и теми, которых благодать призывает быть ее членами»⁶².

Важнейшим дополнением к указанным свойствам Церкви является вошедшее в православное богослужение противопоставление Церкви как насильственному объединению людей в толпу, так и человеческому разделению, возникшему в результате вавилонского столпотворения. Так, опираясь на кондак Пятидесятницы, игум. Иларион (Алфеев) пишет: «Разрушенное по вине людей единство человеческого рода восстанавливается в Церкви, где нет различия по национальному и языковому признаку, но всем дается «новый язык» — язык веры и молитвы, единомыслия и любви»⁶³.

Церковь также является радикальным обновлением всего человеческого рода, а источником жизни для нее навеки стал Крест Христов. Говоря словами преп. Феодора Студита, «Рай другой познася Церковь, якоже прежде древо имущая живоносное, Крест Твой, Господи...»⁶⁴. О. Клеман, развивая эту мысль, пишет: «Новая Ева, Церковь возникает из отверстого бока Христа подобно тому, как Ева возникла из ребра Адама. Из пронзенных ребр Христа истекли кровь и вода: вода крещения, кровь Евхаристии»⁶⁵.

В заключение приведем принадлежащее О. Клеману замечательное по своей краткости определение Церкви: «По существу Церковь не что иное, как мир на пути к преображению, мир, обретающий во Христе прозрачность для райской полноты»⁶⁶.

Литература.

1. Антоний Сурожский, митр., О Церкви, в кн.: Беседы о вере и Церкви, М., Интербук, 1991.
2. Афанасьев Н., прот., Трапеза Господня, Рига, 1992.
3. Афанасьев Н., прот., Церковь Духа Святого, УМСА-Press, Париж, 1971.
4. Булгаков С., прот., Православие. УМСА-Press, Париж, 1989.
5. Греко-славянская хрестоматия, сост. Н. Розов, СПб, Синод. тип., 1893, переизд. Свято-Влад. братством, 1996.
6. Евангелие от Матфея на греч., церковнослав., лат. и рус. языках, М. Гнозис, 1993.
7. Свт. Игнатий Богоносец, Послание к Магнезийцам, VII, в кн.: Ранние отцы Церкви, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988.
8. Свт. Игнатий Богоносец, Послание к Смирнянам, VIII, в кн.: Ранние отцы Церкви, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988.
9. Свт. Игнатий Богоносец, Послание к Филадельфийцам, IV, в кн.: Ранние отцы Церкви, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988.
10. Иларион (Алфеев), иг., Таинство веры (Введение в православное догматическое богословие), Изд-во братства Свт. Тихона, М., 1996.
11. Свт. Иринея Лионский, Против ересей, IV, 18, в кн.: Собрание древних литургий, вып. 1, Изд-во Свято-Владимирского братства, М., 1997.
12. Свт. Иринея Лионский, Против ересей, III, 24, в кн.: Ранние отцы Церкви,

- Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988.
13. Свт. Кирилл Иерусалимский, Слова огласительные (Творения свт. Кирилла Иерусалимского. Слова огласительные. М, 1855), Слово 18.
 14. Клеман О., Истоки, М., «Путь», 1994.
 15. Книга правил свв. апостол, св. соборов вселенских и поместных, и свв. отец, изд-е Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992 (репринт изд-я 1893 г.).
 16. Пространный Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви, М., 1913.
 17. Утренняя недели 3-й Великого поста (Крестопоклонной), канон преп. Феодора Студита, песнь 5, троп. 4.
 18. Хомяков А.С., Церковь одна. В кн.: Хомяков А.С. Сочинения богословские, СПб, «Наука», 1995.
 19. Яннарас Х., Вера Церкви. Введение в православное богословие. Центр по изучению религий, М, 1992.
 20. Bishop Kallistos (Ware) of Diokleia. The Orthodox Church, Penguin Books, London, 1963.

Примечания.

- ¹ Мф. 16:18.
- ² Цит. по: Евангелие от Матфея на греч., церковнослав., лат. и рус. языках, М. Гнозис, 1993.
- ³ Ср., напр., Еф. 3:2.
- ⁴ Еф. 1:22.
- ⁵ Кол. 1:19.
- ⁶ Свт. Игнатий Богоносец, Послание к Магнезийцам, VII, в кн.: Ранние отцы Церкви, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988, стр. 113.
- ⁷ Митр. Антоний Сурожский, О Церкви, в кн.: Беседы о вере и Церкви, М., Интербук, 1991, стр. 244.
- ⁸ Еф. 4:3-4.
- ⁹ 1 Кор. 11:19.
- ¹⁰ 1 Кор. 13:8.
- ¹¹ Иринеи Лионский, Против ересей, III, 24, в кн.: Ранние отцы Церкви, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988, стр. 720.
- ¹² Ibid.
- ¹³ 1 Кор. 14:40.
- ¹⁴ 1 Кор. 14:33.
- ¹⁵ прот. Сергей Булгаков. Православие. YMCA-Press, Париж, 1989, стр. 34.
- ¹⁶ Bishop Kallistos (Ware) of Diokleia. The Orthodox Church, Penguin Books, London, 1963, стр. 244 (пер. с англ. мой — АЛ).
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid., стр. 28.
- ¹⁹ Ibid., стр. 35-36.
- ²⁰ Христос Яннарас, Вера Церкви. Введение в православное богословие. Центр по изучению религий, М, 1992, стр. 181.
- ²¹ Свт. Игнатий Богоносец, Послание к Смирнякам, VIII, в кн.: Ранние отцы Церкви, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988, стр. 137.
- ²² Прот. Н. Афанасьев, Трапеза Господня, Рига, 1992, стр. 10.
- ²³ Свт. Иринеи Лионский, Против ересей, IV, 18, в кн.: Собрание древних литургий, вып. 1, Изд-во Свято-Владимирского братства, М., 1997, стр. 45.
- ²⁴ Яннарас, Ibid., стр. 202-203.
- ²⁵ А.С. Хомяков, Церковь одна. В кн.: Сочинения богословские, СПб, «Наука», 1995, стр. 41.
- ²⁶ Греко-славянская хрестоматия, сост. Н. Розов, СПб, Синод. тип., 1893, переизд. Свято-Влад. братством, 1996.
- ²⁷ Пространный Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви, М., 1913.
- ²⁸ Яннарас, Ibid., стр. 177.
- ²⁹ Лев. 8:3.
- ³⁰ Кирилл Иерусалимский, Слова огласительные (Творения свт. Кирилла Иерусалимского. Слова огласительные. М, 1855), Слово 18, стр 341.

- ³¹ Яннарас, *Ibid.*, стр. 178.
- ³² Деян. 19:40.
- ³³ *Ibid.*, стр. 342.
- ³⁴ Свт. Игнатий Богоносец, *Послание к Филадельфийцам, IV*, в кн.: *Ранние отцы Церкви*, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988, стр. 129.
- ³⁵ *Ibid.*, стр. 39.
- ³⁶ *Ibid.*, стр. 203.
- ³⁷ Игумен Иларион (Алфеев), *Таинство веры (Введение в православное догматическое богословие)*, Изд-во братства Свт. Тихона, М., 1996, VII, 3, стр. 112.
- ³⁸ *Ibid.*, стр. 112.
- ³⁹ Ин. 17:21.
- ⁴⁰ *Ibid.*, стр. 39.
- ⁴¹ *Ibid.*, стр. 247.
- ⁴² 1 Петр 2:9.
- ⁴³ Кол. 1:22.
- ⁴⁴ Ин. 17:15-16.
- ⁴⁵ Яннарас, *Ibid.*, стр. 185.
- ⁴⁶ Хомяков, *Ibid.*, стр. 49.
- ⁴⁷ *Ibid.*, стр. 113.
- ⁴⁸ *Ibid.*, стр. 112.
- ⁴⁹ *Ibid.*, стр. 219.
- ⁵⁰ *Ibid.*, стр. 52.
- ⁵¹ *Ibid.*, стр. 219.
- ⁵² Мф. 28:19.
- ⁵³ *Ibid.*, стр. 340.
- ⁵⁴ Прот. Николай Афанасьев. *Церковь Духа Святого*, YMCA-Press, Париж, 1971, стр. 4-5.
- ⁵⁵ Оливье Клеман, *Истоки*, М., «Путь», 1994, стр. 113.
- ⁵⁶ *Ibid.*, стр. 113.
- ⁵⁷ *Ibid.*, стр. 344.
- ⁵⁸ *Ibid.*, стр. 203.
- ⁵⁹ *Ibid.*, стр. 113.
- ⁶⁰ *Книга правил свв. апостол, св. соборов вселенских и поместных, и свв. отец, изд-е Свято-Троицкой Сергиевой Лавры*, 1992 (репринт изд-я 1893 г.), стр. 27.
- ⁶¹ *Ibid.*, стр. 194-195.
- ⁶² *Ibid.*, стр. 40.
- ⁶³ *Ibid.*, стр. 115.
- ⁶⁴ *Утренняя неделя 3-й Великого поста (Крестопоклонной)*, канон преп. Феодора Студита, песнь 5, троп. 4.
- ⁶⁵ *Ibid.*, стр. 93.
- ⁶⁶ *Ibid.*, стр. 93.

Данная публикация охраняется Законом РФ «Об авторских и смежных правах»
(в ред. Федерального закона от 19.07.95 № 110-ФЗ).

При использовании и цитировании текста ссылка на BIBLE-CENTER.RU обязательна.

При использовании и цитировании в интернете гиперссылка на www.bible-center.ru обязательна.